

Петербургский институт иудаики

ОЗЕРНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Труды IV летней школы
на Карельском перешейке
по текстологии и источниковедению
русской литературы

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2007

Из биографического комментария к «гринвальдским» стихотворениям Н. А. Добролюбова

Обстоятельный биографический комментарий ко многим стихотворениям Н. А. Добролюбова до сих пор отсутствует. Задача настоящей работы — восполнить этот пробел в отношении некоторых любовных текстов поэта и попытаться разрешить вопросы, которые до сих пор остаются открытыми.

Текстология Добролюбова все еще составляет большую проблему. Последнее, текстологически наиболее выверенное, собрание сочинений Добролюбова 1961–1964 гг.¹ уступает полному собранию сочинений 1934–1941 гг., так как в более раннем издании дневники опубликованы без купюр, биографические подробности не ретушированы². Комментарии полного собрания стихотворений, вышедшего в 1969 г. в большой серии «Библиотеки поэта»³, в большинстве своем повторяют соответствующие места собрания сочинений 1961–1964 гг.⁴ Справочный аппарат дореволюционных собраний сочинений Добролюбова⁵ также несовершенен, однако подход к материалу, лишенный идеологического давления, зачастую оказывался более продуктивным. Так, комментатор собрания сочинений 1911 г. В. Княжнин писал: «Если политические стихи имели в свое время успех, <...> общественное значение их немаловажно, то интимная лирика, таимая Добролюбовым при жизни <...> и обнародованная лишь после его смерти, имеет значение личное, биографическое скорее <...>, так тесно сплетутся и встанут поэзия и личность Добролюбова перед <...> читателем»⁶.

В состав интимной лирики Добролюбова входит и обозначенный нами как «гринвальдский»⁷ цикл стихотворений. Слово «цикл» здесь — не более чем дань традиции, метафора, взятая для удобства. В строгом понимании термина никакого авторского выделенного цикла среди стихотворений Н. А. Добролюбова не существует⁸. Между тем можно с уверенностью утверждать, что около тринадцати⁹ стихотворений обращены к проститутке Терезе Карловне Гринвальд:

1. *Я пришел к тебе, сгорая страстью...* (31 января 1857).
2. *Многие, друг мой, любили тебя...* (14 апреля 1857).

3. *Напрасно ты от ветреницы милой* (27 мая 1857).
4. *Не диво доброе влечение...* (2 июля 1857).
5. *Сделал глупость я невольно...* (3 июля 1857).
6. *Я знаю все: упала ты глубоко...* (15 июля 1857).
7. *Я к милой несусь по дороге большой...* (26 июля 1857).
8. *Тоской бесстрастия томимый...* (4 июля 1858).
9. *Ты меня полюбила так нежно...* (31 июля 1858).
10. *О, как безумен я в своих капризах странных...* (31 июля — 1 августа 1858).
11. *Рефлексия* (13 августа 1858).
12. *Пала ты, как травка полевая...* (13 августа 1858).
13. *Не в блеске и тепле природы обновленной...* (1860—1861).

В сочетании «около тринадцати» слово «около» сигнализирует о сложности при определении адресата стихотворений в тех случаях, когда отсутствует авторская заданность цикла, что дает исследователю повод для множественных интерпретаций и часто делает однозначную адресацию тому или иному лицу недоказуемой¹⁰. При отсутствии авторской адресации любовное стихотворение может заключать некий обобщенный образ адресата, контаминирующий отношения сразу с несколькими реальными лицами, а в круг текстов, которые потенциально могут быть навеяны чувствами к той или иной женщине, вовлекается большое количество стихотворений, где отыскивается хотя бы один намек на конкретное лицо.

Однако прежде чем обратиться к биографическому контексту стихотворений, попытаемся кратко суммировать обрывочные сведения о Терезе Карловне Гринвальд¹¹. Первая проблема (во многом текстологического характера) связана с тем, что в дневнике 1857 г. упоминается некая Машенька (в рукописях обозначена литерой «М»¹²), в то время как в переписке Добролюбова начиная с 1858 г. фигурирует Тереза Карловна Гринвальд. Все дореволюционные комментаторы полагали, что Машенька и Гринвальд — разные лица, и только в 1936 г. А. П. Скафтымов, комментируя дневник Левицкого 1857 г. из романа Чернышевского «Пролог» (1867—1870), где прототипом Левицкого стал Добролюбов, убедительно доказал, что Машенька и Гринвальд — одно и то же лицо¹³.

А. П. Скафтымов проанализировал биографический контекст, сопоставил датировки упоминаний Машеньки и Гринвальд в письмах и дневнике и указал на прямые свидетельства Чернышевского о том, что отношения Добролюбова и Гринвальд существовали в 1857 г. Ком-

ментаторы собрания сочинений 1961—1964 гг. ссылаются также и на хранящиеся в ИРЛИ 38 неопубликованных писем Гринвальд к Добролюбову (9; 572), неопределенно замечая, что они «дают некоторый дополнительный материал того же порядка» (8; 667)¹³. Добавим, что письма нуждаются в более пристальном изучении и публикации, так как содержат, вероятно, ценный материал о жизни Добролюбова в 1857 г.

В плане сведений о Т. К. Гринвальд наиболее информативными оказываются письма и бумаги Чернышевского. Так, в «Списке лиц, от которых, вероятно, можно было бы получить или письма Добролюбова или другие материалы для его биографии» сообщается:

Тереза Карловна Гринвальд, бедная, малообразованная девушка, бывшая в 1857—1858 гг. сожительницей Д-ва, потом уж не имевшая связи с ним, но оставшаяся предметом заботливых попечений его. В 1860 году он послал ее в Дерпт учиться акушерству. В 1863 или 1864 году она была в Петербурге <...> Жива ли теперь Тереза Карловна и если жива, то где она?¹⁵

Для Чернышевского Тереза Гринвальд была интересна, в первую очередь, как информант. Сегодня для исследователя также важна не сама по себе исчерпывающая информация о Гринвальд, но такая, которая способна прояснить что-либо в мировоззрении, биографии и творчестве Добролюбова.

Уже после смерти друга Чернышевский, который, собственно, и настоял на разрыве отношений Гринвальд и Добролюбова, стал раскрывать другие подробности. Так, например, 9 августа 1863 г. в письме к Е. Н. Пыпиной содержатся сведения о юности Терезы Карловны:

<...> он <Добролюбов. — А. В.> хотел жениться на ней, в первый или второй год знакомства; я его отклонял; она этого не знает, — вероятно, ничего. Перед его отъездом они разошлись ладно, мирно и умно <...> Ее история <...> романична: до 12 лет она хорошо воспитывалась, изобильно жило ее семейство, потом стало. Расспрашивать ее об этом не годится — это больно ей: родные мерзко поступали с ней, — очень, очень. Это я знаю не по ее только рассказам, а также и от Добролюбова, который мне никогда не лгал¹⁶.

Обратим внимание на то, что ни в этом, ни в других своих письмах Чернышевский ни разу не упоминает о «профессии» Т. К. Гринвальд, хотя знал об этом на момент написания этого и последующих писем из дневников Добролюбова, отрывки из которых опубликовал в «Материалах для биографии Добролюбова» (1862)¹⁷.

Данные Чернышевского нуждаются в уточнении. Добролюбов познакомился с Т. К. Гринвальд приблизительно в середине 1856 г.¹⁸ Первая запись в дневнике, где упоминается Машенька, датирована 7 января 1857 г., причем из контекста ясно, что автор уже давно знаком с ней. Последняя из сохранившихся записей дневника, связанная с Машенькой, относится к 13 июля 1857 г.¹⁹ Здесь фиксируются частые посещения Добролюбовым квартир «падших» женщин, описывается их быт, дается социальная и этическая оценка проституции²⁰; дана и авторская рефлексия над происходящим.

Сведений об отношениях Добролюбова с Гринвальд с июля 1857 г. по июнь 1858 г. почти не сохранилось. Можно с большой вероятностью утверждать, что с начала 1858 г. они жили какое-то время вместе. Об этом Добролюбов сообщает в письме к Бордюгову от 29 августа 1858 г. (9; 320). Конец 1858 г. был труден для Добролюбова постепенным отходом от Гринвальд, хотя он продолжал навещать ее²¹. За 1859 г. никаких существенных сведений об их отношениях нет. Добролюбов в это время увлекается сначала Ольгой Сократовной Чернышевской, а затем ее сестрой Анной Сократовной Васильевой. В январе 1860 г. Гринвальд уезжает в Дерпт на акушерские курсы²². Б. Ф. Егоров, однако, скептически относится к достоверности самого факта учебы, так как соответствующих документов в архиве Дерптского (ныне Тартуского) университета ему обнаружить не удалось²³. На протяжении 1860—1861 гг. Добролюбов продолжал материально помогать Гринвальд, а перед смертью попросил Чернышевского заботиться о ней, что тот честно исполнил. Известно его письмо Терезе Карловне от 10 февраля 1862 г. (высылает деньги и скорбит о смерти Добролюбова). Изданы также три письма Гринвальд Чернышевскому, в которых она благодарит его за деньги и сообщает ряд бытовых подробностей своей жизни²⁴.

Таков в общих чертах биографический фон стихотворений²⁵. Задаваясь вопросом, какие, собственно, стихотворения адресованы именно Т. К. Гринвальд, исследователь сразу сталкивается с невозможностью однозначной атрибуции некоторых текстов. Комментарии собранных сочинений далеко не всегда подробны и точны в пояснении информации такого рода. Так, например, первое заявленное в цикле стихотворение «Я пришел к тебе, сгорая страстью...» (31 января 1857 г.) представляет собой интересный случай, когда без биографического комментария стихотворение становится непонятным и может получить неверную интерпретацию (полужирным шрифтом выделены двусмысленные строки):

Я пришел к тебе, стгорая страстью,
Для восторгов неги и любви...
Но тобой был встречен без участия,
И погас огонь в моей крови.

Мне в глаза лукаво улыбаясь,
Равнодушно ты сказала мне:
**«Я гостей сегодня дожидаясь,
Нам нельзя побыть наедине...»²⁶**

**Слов твоих я скрытый смысл увидел,
На тебя с презреньем посмотрел...**
В этот миг тебя я ненавидел,
Знать тебя я больше не хотел...

Но с улыбкой нежною и ясной
Ты сказала: «Завтра ты придешь?..»
И призыв ласкающий и страстный
Бросил в краску вдруг меня и в дрожь.

Я приду, приду, о друг мой милый,
Для восторгов неги и любви...
Голос твой какой-то чудной силой
Вновь огонь зажег в моей крови.

(8; 49)

Комментарий в собрании сочинений 1961—1964 гг. ограничивается отсылкой к дневниковой записи от 31 января 1857 г., где Добролюбов повествует о своем визите на квартиру, где жила Машенька с еще двумя «падшими» подругами — Сашей и Юлией. Машеньки автор в этот раз не застал и в ожидании завел разговор с Сашей, или Александрой Васильевной, оказавшейся тоже немкой. Однако Саша неожиданно была позвана на «визит»:

<...> в это самое время пришла посланная от Машеньки, что она прийти не может и просит зайти в другое время, а Саша мне сказала как-то особенно ласково: «Так приходите, пожалуйста, к нам. Когда вы придете?..» Меня это ужасно взволновало <...>. Я обещал прийти к ней и вместе с ней сошел с лестницы... На прощанье мы пожали друг другу руки и поцеловались. Все это было необыкновенно глупо и пошло. Тем не менее я не чувствую ни малейшего следа раскаяния и даже сочинил потом дорогой стихи:

Я пришел к тебе, пылая страстью,
Для восторгов, неги и любви.

Это уж из рук вон... <...> Что за пошлый разговор вели мы с ней!.. Это ведь хоть в гоголевскую повесть (8; 555).

Здесь все указывает на то, что в стихотворении говорится о беседе с Сашей. Однако если мы исключим из нашего знания эту дневниковую запись, никакие детали в тексте самого стихотворения не укажут нам на то, что подразумевает оно именно Сашу, а не Машеньку. Без знания дневникового контекста трудно понять, о каком «скрытом смысле» («Слов твоих я скрытый смысл увидел, // На тебя с презреньем посмотрел») идет речь и почему ожидание гостей («Я гостей сегодня дожидаясь...») вызывает презрение у лирического героя. Таким образом, ситуация, в которой часто оказывался Добролюбов и которая зашифрована в тексте, получает некое обобщение, а стихотворение, адресованное, казалось бы, совершенно определенному лицу, вбирает в себя опыт общения с несколькими женщинами сомнительного поведения.

Парадоксальность ситуации еще и в том, что Добролюбов, как явствует из дневниковой записи, втягивается в «купле-продажные» отношения, и, как он пишет далее, если бы у него были в тот момент деньги, он бы воспользовался приглашением Саши. Заметим, что он будет пытаться им воспользоваться через неделю, о чем далее. И все это имело место на фоне отношений с Машенькой.

Данное стихотворение, наряду с еще одним — «Напрасно ты от ветреницы милой...» (27 мая 1857), представляет собой редкий для Добролюбова случай, когда содержание стихотворения находит пояснение в дневнике, что указано в комментариях. О поводах к написанию других стихотворений и намеках, содержащихся в них, справочный аппарат, как правило, ничего не сообщает. Таково стихотворение «Рефлексия» (13 августа 1858 г.), написанное в самый разгар противостояния Чернышевского с Добролюбовым по поводу женитьбы последнего на Терезе Гринвальд:

О ней и о своей любви
Я думал с грустью и боязнью.
Горела страсть в моей крови,
А совесть мне грозила казнью.

Не зная, чем мне кончить с ней,
Я проклинал свое безумье
И плакал о любви своей,
Полн малодушного раздумья.

Вдруг донеслися до меня
Из-за перегородки тонкой
И речи, полные огня,
И поцелуй, и хохот звонкий.

Потом все стихло. Свет потух.
Лишь напряженное дыханье,
Да шепот проникал в мой слух,
Да заглушенное лобзанье...

Я знал их. Как я с ней, сошлись
Они случайно, но влеченью
Сердце беспечно предалось,
Без дум, без слез, без опасенья.

Счастливицы! В светлой их любви
Нет ни сомненья, ни боязни,
Их страсть — и в сердце и в крови,
И совесть не сулит им казни.

(8; 73)

Речь идет о мучительных терзаниях, вызванных письмами Чернышевского от 11 и 12 августа 1858 г., в которых друг советовал отказаться от женитьбы. Однако описанное в этом стихотворении свидание двух влюбленных, лексически во многом восходящее к пародируемому самим же Добролюбовым фетовскому стихотворению «Шепот, робкое дыханье...»²⁷ с пушкинской реминисценцией («Без дум, без слез, без опасенья...»), отличается яркими подробностями и как будто полностью навеяно какими-то реальными событиями. Никаких сведений, объясняющих строфы с третьей по шестую, найти не удалось, что понятно, если учесть степень интимности данной информации. Но если мы примем во внимание, что лирика Добролюбова оперирует большей частью реальными фактами, то указать на один источник стихотворения все же возможно. Похожая на описанную в стихотворении «Рефлексия» ситуация встречается в дневниковой записи от 3 февраля 1857 г., где повествуется о «скандальных происшествиях», для которых автор делает знаменательную оговорку:

Пусть же те, которых я удостою прочтения этого дневника, знают меня вполне, со всеми моими гадостями. Зато буду по крайней мере оставлять впечатление живого человека, а не олицетворенной...²⁸

Далее два листа тетради вырваны Чернышевским в соответствии с волей автора. Затем описывается, как Добролюбов провел одну из ночей, решив воспользоваться приглашением Саши (той самой Александры Васильевны), в квартире, где она жила с Юлией, Олей и со своей «хозяйкой» — так называемой «теткой»²⁹. Ночью Добролюбов не мог заснуть и пошел к Оле, но она сначала не захотела провести с ним ночь и пошла жаловаться Саше, уединившейся с «купчиком» в соседней комнате. Приведем это место параллельно с корреспондирующими строфами «Рефлексии»:

Вдруг донеслися до меня
Из-за перегородки тонкой
И речи, полные огня,
И поцелуй, и хохот звонкий.

Потом все стихло. Свет потух.
Лишь напряженное дыханье,
Да шепот проникал в мой слух,
Да заглушенное лобзанье...

Я знал их. Как я с ней, сошлись
Они случайно, но влеченью
Сердце беспечно предалось,
Без дум, без слез, без опасенья.
(8; 73)

Саша упрашивала его остаться, уж я не знаю, из чистой ли любви к нему, из боязни ли, чтобы я чего-нибудь не наделал ей в сердцах, по его уходе <...>. Одну минуту хотелось мне поднять гвалт, и поссорить Сашу с ее любовником, но это было только на минуту.. Я скоро проникся гуманными побуждениями <...> и успокоил себя таким резонерством: что ж, ведь она живет им; она мне сказала о нем заранее; я знал, что она торгует собой, а не увлекается каким-нибудь чувством... Какое же я имею право сердиться и предъявлять свои претензии?.. <...> Между тем страсть томила меня, несмотря на резонерство; за перегородкой раздавались поцелуи, Оля представлялась мне очень, очень свеженькой и хорошенькой³⁰.

Как видно, ситуация в своих существенных моментах совпадает с описанной в «Рефлексии». С другой стороны, перед нами факт поэтической рефлексии, когда физическая страсть оказалась разъединенной с духовной, сердечной. Именно этим, по словам самого Добролюбова в письме Бородюгову от 17 декабря 1858 г., объясняется разрыв отношений между ним и Гринвальд осенью 1858 г.:

Я понял теперь, что я никогда не любил этой девушки, а просто увлечен был сожалением, которое принял за любовь. <...> Любви к ней я не могу чувствовать, потому что нельзя любить женщину, над которой сознаешь свое превосходство во всех отношениях.

<...> так долго не умел понять своей души и в своей ничтожности довольствовался таким мизерным чувствованьем, принимая его даже за святое чувство любви (9; 341).

Эта исповедь — психологически наиболее тонкое объяснение разлада, хотя в дневнике встречается много других указаний на наличие плотской страсти к Машеньке и отсутствие какой бы то ни было прочной духовной близости. Вообще противопоставление духа и плоти — сквозной мотив не только стихотворений «гринвальдского цикла», но и ранних стихов и дневников. Возникает она и в стихотворениях, адресованных другим возлюбленным Добролюбова. Ср. в стихотворении «Средь жалких шалостей моих...» (1861):

Средь жалких шалостей моих,
То бестелесно идеальных,
То исключительно плотских
И даже часто слишком сальных,

Одну я встретил, для кого
Был рад отдать и дух, и тело...
Зато она-то ничего
Взять от меня не захотела.

(8; 85)

В комментарии к полному собранию сочинений 1934–1941 гг. это стихотворение предположительно соотнесено с чувствами к А. С. Васильевой³¹, с чем трудно согласиться. Комментаторы собрания сочинений 1961–1964 гг. вообще воздерживаются от каких-либо указаний на адресат. Между тем в 1861 г. Добролюбов пережил сильное увлечение «мессинской барышней» (так он ее сам именует в письмах (9; 472, 619)) — Ильдегондой Фиокки³²; кроме этого, в третьей строфе находим намек на Италию:

Из лучших стран в ее страну
Стремлюсь, надеясь и тоскуя.

(8; 85)

Среди поздних стихотворений 1861 г., когда внимание Добролюбова было сосредоточено на Э. Телье и И. Фиокки, тем не менее появляется стихотворение «Не в блеске и тепле природы обновленной...» (1860–1861). С большой долей уверенности можно заключить, что оно имеет в виду Т. К. Гринвальд. Это своего рода рудимент былой страсти:

Не в блеске и тепле природы обновленной,
Не при ласкающем дыхании весны,
Не в бальном торжестве, не в зале оживленной
Узнал я первые сердечной жизни сны.

В каморке плачущей, среди зимы печальной,
Наш первый поцелуй друг другу дали мы,
В лицо нам грязный свет бросал огарок сальный,
Дрожали мы вдвойне — от страсти и зимы...
И завтрашний обед, и скудный и неверный,
Невольно охлаждал наш пыл нелицемерный.

Кто знает, для чего ты отдалась мне?
Но знал я, отчего другим ты отдавалась...
Что нужды?.. Я любил. В сердечной глубине
Ни одного тебе упрека не сыскалось.

Прежде всего, строка «Но знал я, отчего другим ты отдавалась» отсылает к более раннему тексту «Многие, друг мой, любили тебя...» (Многие, друг мой, любили тебя, // Многим и ты отдавалась... // Но отдавалась ты им не любя... // Это была только шалость), соотносённому с Гринвальд, и прозрачно намекает на род занятий лирической героини. Упомянутое в тексте время года (зима) совпадает с началом отношений Добролюбова и Гринвальд — зима 1856 г.³³ Признание в былой любви («Что нужды?.. Я любил») не отменяет уже цитированного нами утверждения Добролюбова в письме Бордюгову 1858 г., что он принял сожаление за любовь. За два-три года могла произойти переоценка, облеченная в форму уже поэтической рефлексии. Добролюбов до самой смерти продолжал трепетно относиться к Т. К. Гринвальд и помогать ей материально, о чем свидетельствуют его письма 1859—1861 гг.³⁴

Кроме того, не будет нетяжкой предположить, что женский образ, мелькающий в ряде стихотворений 1857—1858 гг., спроецирован на Т. К. Гринвальд. Речь идет, по крайней мере, о трех текстах: «Тихий ангел» (10 февраля 1857 г.), «Еще недавно я неистовой сатирой...» (17 февраля 1857 г.) и «Новобрачные» (1 августа 1858 г.). Последнее написано в момент задуманной женитьбы на Т. К. Гринвальд еще до судьбоносных писем от Чернышевского 11 и 12 августа 1858 г. и, очевидно, осмысливает эту тему в предчувствуемом трагическом ключе.

Представляется, что сделанные в данной статье наблюдения станут опорой для интерпретации этого пласта лирики Добролюбова, до сих

пор не ставшего предметом специального исследования³⁵. Это, разумеется, не означает, что биографический комментарий исчерпан. Мы только попытались прояснить некоторые очевидные моменты, которые дают повод к дальнейшим разысканиям и комментированию.

В целом же тексты «гринвальдского цикла» интересны не столько невысокими художественными достоинствами, сколько содержанием — «резонерством» и рефлексией над проблемой новой этики отношений между полами, которая превращается в 1860-е гг. из маргинальной в одну из ключевых тем (ср. роман «Что делать?») ³⁶, наряду с женским вопросом и темой «падших» женщин³⁷. При всей конкретности жизненного материала, осваиваемого в «цикле», интимная лирика Добролюбова опирается на традицию, уже сложившуюся к этому времени усилиями Лермонтова и Некрасова³⁸, и находится в русле общей тенденции, характерной для поэзии разночинцев-демократов (Михайлов, Гольц-Миллер и др.). В таком — тематическом — аспекте в перспективе оказывается продуктивным говорить о «гринвальдских» стихотворениях Добролюбова как о наиболее репрезентативном и большом в русской поэзии XIX века цикле среди всех, которые описывают ситуацию спасения «падшей» женщины³⁹.

Примечания

- ¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.-Л., 1961. С. 64. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием тома и страницы через точку с запятой.
- ² Мы акцентировали свое внимание на критерии полноты и точности известной информации. Наиболее полный обзор всех изданий сочинений Добролюбова см.: Оксман Ю. Г. Старые и новые собрания сочинений Н. А. Добролюбова. Критический обзор основных изданий за сто лет // Добролюбов Н. А. Избранные литературно-критические статьи. М., 1970. (Серия «Литературные памятники»). Заметим, что в статье Оксмана нет ни слова о традиции и принципах издания дневниковых текстов Добролюбова.
- ³ Добролюбов Н. А. Полное собрание стихотворений / Сост., коммент. и вступ. статья Б. Я. Бухштаба. Л., 1969.
- ⁴ Они сделаны одним и тем же исследователем — Б. Я. Бухштабом.
- ⁵ Добролюбов Н. А. Соч. т. I–IV. СПб., 1862. Он же. Первое полное собрание сочинений / Под ред. и с вступ. статьей М. К. Лемке. Пб., 1911; Он же. Полное собрание сочинений, т. I–IX / Под. ред. Е. В. Аничкова. СПб., 1911–1913.
- ⁶ Княжнин В. Добролюбов как поэт // Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений / Под. ред. Е. В. Аничкова. Т. IX. Стихи, сатира, беллетристика. СПб., 1911. С. 19.

- ⁷ См.: Вдовин А. В. Н. А. Добролюбов между духом и плотью: «гринвальдский» цикл // Грехнёвские чтения: Сборник научных трудов. Вып. 3. Нижний Новгород, 2006. С. 96–101.
- ⁸ Между тем прецедент подобного именованя среди исследователей есть. Б. П. Козьмин в комментариях к дневнику 1857 г. называет циклом «около десяти стихотворений», обращенных к Т. К. Гринвальд (Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI / Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского М.; Л., ГИХЛ, 1934–1941 [1945]. Т. 6. С. 784). О признаках цикла см.: Ляпина Л. Е. Циклизация в русской литературе XIX века. СПб., 1999. С. 165. О метафоричности таких понятий, как «денисьевский цикл» см.: Лейбов Р. Г. Незамеченный цикл Тютчева // Лотмановский сборник. № 1. М., 1995. С. 516–527. Там же см. избранную литературу по вопросу.
- ⁹ В нашей статье (Вдовин А. В. Указ. соч.) мы не включили в этот список стихотворения «Я к милой несусь по дороге большой...», которое, по предположению комментаторов полного собрания сочинений 1934–1941 гг., безусловно, имеет в виду Т. Гринвальд (Добролюбов Н. А. Полное собрание соч. Т. 6. С. 784).
- ¹⁰ В качестве примера сошлемся на так называемую «утаенную любовь» Пушкина — анонима в его «донжуанском списке». См.: Иезуитова Р. В. «Утаенная любовь» Пушкина // Легенды и мифы о Пушкине: Сборник статей / Под. ред. М. Н. Виролайнен. СПб., 1999. С. 216–240.
- ¹¹ Немецкая фамилия Grünwaldt транслитерируется в исследовательской традиции двояко. Видимо, под влиянием написания самим Добролюбовым «Гринвальд» во многих работах и в некоторых собраниях сочинений фамилия пишется через «и», однако С. А. Рейсер утверждает, что правильнее писать через «ю» (Рейсер С. А. Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова. М., 1953. С. 139). Написание через «ю» приводится, например, в биографическом очерке Ю. Буртина о Добролюбове к собранию сочинений в 3-т. (М., 1986) и в статье о Добролюбове в словаре «Русские писатели, 1800–1917» (М., 1992. Т. 2). Мы следуем написанию Добролюбова — проявлению его авторской воли в именовании.
- ¹² Скафтымов А. П. Комментарий // Чернышевский Н. Г. Пролог. Подгот. текста и комментарии А. П. Скафтымова. М.; Л.: Academia, 1936. С. 512.
- ¹³ Там же. С. 511–514. Приведем еще один аргумент в пользу версии Скафтымова. Доказательство того, что имя «Машенька» — вымышленное, содержится в записи от 13 июля 1857 г.: «Madam Битнер дала мне адрес, написанный рукою Машеньки очень грамотно. На обороте его было написано: “Милый Вася! Приходи ко мне — мне очень нужно поговорить с тобой”» (8; 669). Речь идет о переходе Машеньки в дом терпимости мадам Бреварт без уведомления об этом Добролюбова. В записке, оставленной ему, имя «Вася» вполне может указывать на то, что они по понятным соображениям называли друг друга условными именами. Прецедент также зафиксирован в дневнике в записи от 3 февраля 1857 г. — история студента Лебедева (Добролюбов Н. А. Дневники. М.-Л., 1931. С. 176).

- ¹⁴ Б. П. Козьмин в комментарии к дневнику в полном собрании сочинений 1934—1941 гг. приводит две цитаты из неопубликованных писем, также подтверждающих верность гипотезы Скафтымова (Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 784).
- ¹⁵ Чернышевский Н. Г. Литературное наследие. Т. III. Письма / Сост. Н. А. Алексеева и Н. М. Чернышевской-Быстровой. М.; Л., 1930. С. 653.
- ¹⁶ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. XIV. М., 1949. С. 485—486.
- ¹⁷ Чернышевский, собственно, и заложил традицию ретуширования биографии Добролюбова и тем более откровенных записей в дневнике, которые не соответствуют каноническому образу критика. В этом смысле показательна реакция Чернышевского, когда он впервые узнал об отношениях Добролюбова и Гринвальд: «Добролюбова я любил, как сына. Но что делает Добролюбов, кроме того, что пишет, — я не знал, пока данные мне от него, при отъезде в Старую Руссу, разного рода поручения оказались слившимися в одно поручение: «вот там-то живет такая-то девушка» и т. д., в этом вкусе. Я разинул рот: ничего подобного в жизни Добролюбова я не предполагал» (Письмо А. Н. Пыпину 25 февраля 1878 г.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. XV. М., 1950. С. 138). До нас дошли также оценки чувств Добролюбова Чернышевским, зафиксированные в мемуарах С. Г. Стахевича и относящиеся к 1866—1867 гг.: «Добролюбов был очень влюбчив, пассий у него было много» (Стахевич С. Г. Среди политических преступников // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. В 2 т. Саратов, 1958—1959. Т. 2. С. 87). Попутно укажем, что эту фразу В. В. Набоков заимствовал для характеристики Добролюбова в «Даре»: «Добролюбов был чрезвычайно влюбчив» (Набоков В. В. Русский период. Собр. соч. В 5 т. / Сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. О. Сконечной, А. Долинина, Ю. Левинга, Г. Глушанок. СПб., 2000. Т. 4. С. 437, 735). «Донжуанский» список Добролюбова с 1852 по 1861 г. включает около десяти увлечений разной степени серьезности. Из наиболее серьезных следует упомянуть: юношеское увлечение — Феничка Щепотьева и Авдотья Улыбышева (Нижний Новгород), парижанка Эмилия Телье (15 ее неопубликованных писем хранятся в ИРЛИ), Анна Сократовна Васильева, Ильдегонде Фиокии (Мессина, Неаполь). Трех последним Добролюбов делал предложение. Отметим также, что любовный опыт Добролюбова, как известно, воплощен Чернышевским в «Дневнике Левицкого» из романа «Пролог», однако этот во многом еще не исследованный вопрос остается за рамками настоящей работы.
- ¹⁸ Рейсер С. А. Указ. соч. С. 139.
- ¹⁹ Данных о существовании дневника конца 1857—1858 гг. найти пока не удается. Кроме этого, Чернышевский уничтожил шесть наиболее откровенных страниц дневника 1857 г. (8; 651).
- ²⁰ Рассуждения Добролюбова о проституции (8; 510—511) из дневника 1857 г. только в последнее время стали цитироваться и анализироваться ис-

следователями. Подробнее см.: Печерская Т. И. Русский демократ на rendez-vous // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 40–43; Она же. Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики (мемуары, дневники, письма, беллетристика). Новосибирск, 1999. С. 79–81. Глава «Дневники Н. А. Добролюбова» (книга доступна в Интернете. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?1&15&4>).

- ²¹ См. рассказы об этом в письмах к Бордюгову от 19 ноября и 17 декабря 1858 г. (9; 334, 340–41).
- ²² Рейсер С. А. Указ. соч. С. 139.
- ²³ Егоров Б. Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996. С. 262. Тот же сюжет вошел в его недавнюю книгу: Егоров Б. Ф. Русские утопии. СПб., 2007. С. 228.
- ²⁴ Письмо 19 июня 1862 г. опубликовано, см.: Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. Н. К. Пиксанова, О. В. Цехновицера. М.; Л., 1940. С. 58. Два письма 12 марта и 24 июля 1862 г. см.: Чернышевский Н. Г. Литературное наследие. Т. III. Письма / Сост. Н. А. Алексеева и Н. М. Чернышевской-Быстровой. М.; Л., 1930. С. 666–667.
- ²⁵ Стихотворения также дошли не в полном объеме. Как предполагает Б. Я. Бухштаб, тетради со стихотворениями сентября 1858–1859 гг. существовали, но были утеряны (Добролюбов Н. А. Полн. собр. стихотворений. С. 15).
- ²⁶ Здесь и далее все выделения шрифтом принадлежат автору статьи.
- ²⁷ Подробнее о соотношении «Рефлексии», пародии «Первая любовь» и фетовского «Шепот, робкое дыханье...» см. нашу заметку: Вдовин А. В. Неудавшийся лирик — успешный пародист: «Первая любовь» Н. А. Добролюбова в контексте любовной лирики поэта. Материалы XIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Т. III. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 209–211.
- ²⁸ Добролюбов Н. А. Дневники. С. 174.
- ²⁹ Там же, с. 176.
- ³⁰ Добролюбов Н. А. Дневники. С. 175–176.
- ³¹ Как мы упоминали выше, увлечение А. С. Васильевой имело место в 1859 г. Добролюбов описывает некоторые подробности в письмах И. Бордюгову 1859 г. (22 апреля, 1 мая, 24 мая, 5 сентября, 20 сентября и др.). Подробнее об А. С. Васильевой см.: Чернышевская Н. М. Невеста Добролюбова // Звенья. III–IV. М.; Л.: Academia, 1934. С. 554–563.
- ³² Все упоминания о ней см. в именном указателе в: Рейсер С. А. Указ. соч. С Италией связаны еще два стихотворных текста Добролюбова — «Увидал я ее на гулянье...» (1860 или 1861) и «Не обманут я страстной мечтой...» (1861). В первом названо итальянское имя Мариучча, во втором лирическая героиня именуется Ниной, причем со знакомым по «гринвальдским» стихам намеками на отсутствие любви и присутствие плотской страсти (ср.: *Не об-*

манут я страстной мечтой, // Мы не любим, конечно, друг друга; // Я доволен теперь, что в крови // Ощутил хоть животную силу (8; 83)). Комментаторы здесь вообще воздерживаются от пояснений, которые, действительно, без дополнительных разысканий сделать трудно.

³³ Рейсер С. А. Указ. соч. С. 139.

³⁴ Ср., например, письмо Бордюгову 24 февраля 1860 г., в котором сообщает, что хочет ехать в Дерпт отыскивать Терезу (9; 402–403); 29 апреля 1861 г. В. И. Добролюбову из Рима (9; 465).

³⁵ Немногочисленные советские работы о поэзии Добролюбова почти не затрагивают интимной лирики. Из наиболее содержательных см.: Скатов Н. Н. Поэты некрасовской школы. Л., 1968; Бухштаб Б. Я. Добролюбов-поэт // Бухштаб Б. Я. Русские поэты. Тютчев, Фет, Прутков, Добролюбов. Л., 1970. С. 222–245; Он же. Добролюбов или Некрасов // Бухштаб Б. Я. Фет и другие. Избранные работы. СПб., 2000. С. 123–129.

³⁶ О построении новой любовной этики у Чернышевского в контексте идей 1860-х гг. см.: Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996. С. 77–135. Тонкие наблюдения см. также в: Szczukin Wasilij. Вера Павловна и другие. О концепции любви в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» // Rosja Literacka od Karamzina do Solżenicyna (=Studia Rossica XV). Warszawa, 2004. S. 181–196. Та же статья опубликована: Шукин В. Блеск и нищета «позитивной эротологии» (к концепции любви у Н. Г. Чернышевского) // Вопросы философии. 2002. № 1. С. 140–150; Живов В. М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 37–51.

³⁷ А. Я. Панаева в своих воспоминаниях охарактеризовала эту тенденцию так: «Тогда писатели высказывали большое сочувствие к женскому вопросу тем, что старались опоэтизировать падших женщин, «Магдалин XIX века», как они выражались» (Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1986. С. 114). Разработка темы проституции применительно к литературе более позднего периода см.: Жолковский А. К. Топос проституции в литературе // Жолковский А. К., Ямпольский М. Б. Бабель / Babel. М., 1994. С. 317–368.

³⁸ Интертекстуальный пласт комментария нуждается в отдельном исследовании. Отдельные замечания см.: Скатов Н. Н. Указ. соч. С. 198, 205–213.

³⁹ При этом случай Добролюбова вообще не упоминается в специальных исследованиях по данной теме. Ср.: Matich Olga. A Typology of Fallen Women in Nineteen Century Russian Literature // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Vol. II (Literature, Politics, History) / Ed. by P. Debreczeny. Columbus: Slavica, 1983. P. 325–343. О. Матич, правда, подчеркивает, что статья является «only the beginning of an extensive study» (p. 326). Другая статья исследовательницы на эту тему посвящена литературному генезису образа Настасьи Филипповны в «Идиоте». См.: Matich Olga. What Is To Be Done About Poor Nastya? Literary Prototypes of Nastas'ia Filippovna // Wiener Slawistischer Almanach. 1987, Bd. 19. S. 47–64.